Гарри пролежал всю ночь, не сомкнув глаз, прижавшись к эльфу. Тепло Леголаса было желанной отдушиной от ночной прохлады. В любую другую ночь он бы спокойно провел это время, но разум Гарри был в шоке, мысли метались, пытаясь ухватить смысл происшедшего. Он ждал психического срыва, если не сегодня, то завтра. Он знал, к каким последствиям приведёт запечатывание памяти. В те мучительные секунды, когда он блуждал среди хаотичных воспоминаний, Гарри был уверен, что пойдёт по пути большинства тех, кто пытался отгородиться от прошлого: потеряет контроль над разумом и превратится в пустую оболочку, не реагирующую на мир. Выживали единицы. Снейп перечислил множество способов, которыми практикующие Окклюменцию могли впасть в коматозное состояние. Он никогда бы не стал обучать Гарри этой технике, даже если бы тот был сыном Джеймса Поттера… но они были на войне, и победа стала важнее, чем выживание Гарри. Те, кто выжил, делали это, реинтегрируя запечатанные воспоминания, прежде чем потеряли над ними контроль, — Гарри же не пытался этого делать. В ту долю секунды между падением воспоминаний и их натиском на разум он решил следовать тому же пути, что и те, кто был до него. Единственное, о чём он сожалел, — это о том, что Снейпа не было рядом, чтобы наблюдать за этим последним актом глупости. Во время войны они заключили неохотное перемирие, и это могло бы стать отличным прощальным подарком старому ублюдку. — Почему? — сквозь шум и неразбериху пробился голос эльфа, и всё остановилось. Гарри медленно закрыл глаза. Кто знал, в каком состоянии сейчас его сознание? Вся кропотливая организация, над которой они со Снейпом трудились, наверняка была сметена приливом воспоминаний. Не затянет ли его в прошлое, если он снова войдёт в него? Взывая к гриффиндорской храбрости, Гарри приготовился… и прыгнул обратно в свой разум.Открыв глаза, Гарри увидел повсюду разруху. Если бы близнецы Уизли привели в действие все свои взрывные устройства, то получившийся беспорядок мог бы выглядеть примерно так же, как тот, что Гарри видел сейчас. Портреты, сбитые на пол, громко жаловались; книги, разбросанные по полу, перечитывали любимые главы. Другие воспоминания, недостаточно важные, чтобы закрепить за ними книгу или портрет, носились по комнате, как воздушные шары. Шум был оглушающим. Гарри попытался отгородиться от него, но в ушах стоял грохот, и он уже не мог ничего соображать. Это была ошибка — он не был готов к встрече с собственным разумом. Он попытался сосредоточиться на ощущениях, которые испытывал в реальном мире, например на тепле, которое излучал Леголас, но ощущения ускользали от его сознания, рассеиваясь в воздухе, как дуновение. Он попытался ухватиться за него, но промахнулся и упал. Его рука упала на разбитый портрет Сьюзен Боунс, и он почувствовал, как в пупке запульсировало. На улице шел дождь, обычный для Лондона в это время года. Однако резкого стука в дверь дома № 12 по Гриммаулд-плейс никто не ожидал. Гарри и Рон синхронно выхватили свои палочки и посмотрели друг на друга с мрачным согласием. Они отправили остальных членов Ордена по делам — и им было слишком рано возвращаться. Когда они открыли дверь, держа палочки наготове, перед ними предстало изможденное лицо их старой школьной подруги, Сьюзен Боунс. Трудно было сказать, сколько из стекающих по ее лицу ручейков — от дождя или от слез. — Пожалуйста, — сказала она, — это моя тетя…Гарри вспомнил, как она появилась. Амелия Боунс недавно стала членом Ордена, так как Волдеморт активизировал свои махинации в Министерстве. Она занималась расследованием деятельности потенциальных Пожирателей смерти в рядах Авроров, когда ее племянница нашла ее мертвой в своем доме и пришла к ним с плохими новостями. Когда воспоминания закончились, портрет выглядел совершенно целым и, что самое главное, безмолвным. Покой длился всего секунду, а затем снова поднялась какофония: портреты, книги, воспоминания — всё загрохотало и закричало. Он вздрогнул, пораженный грандиозностью своей задачи. Ему нужно было заглушить все эти воспоминания, но одна только мысль о том, что придется заново просматривать каждое из них, истощала силы. Он погрузился в себя и застыл: он не мог снова столкнуться с этими воспоминаниями, просто не мог. Шум внезапно стих, и Гарри почувствовал странное ощущение. Ему показалось, что ему расправляют перья. Медленно, путаясь в мыслях, он вспомнил, где находился до того, как

провалился в сознание. Он сидел рядом с Леголасом, и эльф, должно быть, перебирал длинными пальцами его перья. Ощущение было… приятным. Гарри почувствовал, как крепнет его решимость, когда он окинул воспоминания настороженным взглядом. Они все ещё кричали и с ужасающей скоростью проносились в его голове. Но их заглушал барьер. Он с удивлением посмотрел на своё спасение: светящееся кольцо новых воспоминаний защищало его от шума. Их было совсем немного, не больше горстки. Но в них были образы Брегалада, Гимли, Гэндальфа и… Леголаса. Ярче всего проявилось воспоминание о том, как он разговаривал с Леголасом в тот вечер. В этот момент Гарри почувствовал, что у него снова появился реальный шанс на дружбу. Гарри потянулся к нему, ощущая счастье, которое излучало это воспоминание. Затем он поднял голову и осмотрел лежащие впереди несвязанные воспоминания. Там проплывало воспоминание о Полумне. Он коснулся его и погрузился в происходящее. Пора было приступать к работе. Если Гимли и Гэндальф и были удивлены, увидев утром Затмение, они не стали об этом упоминать. Пока он шел, Леголас обдумывал события предыдущей ночи. Вновь обретенная открытость Затмения казалась ему драгоценной и хрупкой. Он не хотел давить на птицу, но в то же время испытывал глубокое беспокойство из-за ее кошмаров. Другая, меньшая, часть его беспокоилась из-за его беспокойства. Он уже давно смирился с тем, что его друзья уйдут из жизни раньше него, и поэтому часто старался не беспокоиться об их здоровье и благополучии в долгосрочной перспективе. В конце концов, для хоббита или гнома долгая жизнь была всего лишь мгновением по сравнению с жизнью эльфа. Но день был ярок и неотразим, и вскоре все тревожные мысли унесло теплым ветерком, поднявшимся с юга. Леголас, не удержавшись, пропел под нос мелодию эльфийской песни. Оказалось, не так уж тихо, потому что Затмение, после нескольких куплетов, подхватил припев. У Леголаса перехватило дыхание. Прекрасная трель феникса, сливаясь с эльфийской мелодией, взмывала и опускалась в полной гармонии. Музыка переплеталась, поднимаясь в воздух, оживляя окрестности. Даже ворчание Гимли, вечно недовольного эльфами и их "глупыми частушками", на время стихло под звуки песни и яркий солнечный свет.Песня помогала Гарри сохранять позитивный настрой, пока он копался в своих воспоминаниях, которые так старательно пытался подавить. Он проделал лишь малую часть работы, и его разум по-прежнему напоминал комнату Дадли после истерики: воспоминания были навалены друг на друга, словно куча одежды. Некоторые он легко отсортировал, но другие так прочно затянули его в прошлое, что он с трудом мог различить, где заканчивается его собственная голова и начинается реальный мир. Пение помогало ему оставаться в настоящем, когда он сталкивался со своим прошлым. Так, подгоняемый ветром и согревая спину солнцем, Гарри продолжал погружаться в свои воспоминания.Три дня спустя Гарри все еще не закончил сортировать свои воспоминания. Он становился раздражительным и угрюмым, или, что еще хуже, раздражался при любой попытке общения с компанией. Его мучили воспоминания о войне, и один лишь взгляд на Леголаса или Гимли вызывал болезненные воспоминания о том времени, когда он был с Роном и Гермионой. Стресс сказывался даже на его силе. Летая в тот день, он чувствовал, что его мышцы словно окаменели. Перья стали выпадать с пугающей частотой: обычно он терял несколько перьев в неделю, а теперь, казалось, каждый день. Ветер усилился, и летать стало еще труднее. Небо начало темнеть задолго до заката, и Гарри, выглянув наружу, увидел на горизонте грозовые тучи. Сверху его спутники напоминали муравьев, разбегающихся по ландшафту. К середине дня послышался стук капель дождя, и Гарри неохотно полетел к компании. Гэндальф, обладавший шестым чувством на подобные вещи, уже нашел густое скопление деревьев, скрывающее большую часть проливного дождя. Они с Леголасом и Гимли притаились под густой листвой, стараясь просохнуть. Гарри подошел как раз в тот момент, когда Гимли удалось разжечь небольшой костер.— Это все, что мы можем сделать сегодня ночью. Дождь прекратится только после наступления темноты. Лотлориен подождет до завтра, — объявил Гэндальф.— Гм, — фыркнул Гимли, подбрасывая дрова в огонь. — По крайней мере, мы уже близко. Я с нетерпением жду теплого хлеба, эля и настоящей постели.— Я буду рад снова увидеть Леди, — добавил Леголас, слегка улыбнувшись,

когда Гимли покраснел.В лагере воцарилась тишина: все думали о гостеприимстве, которое ждало их завтра. Все, кроме Гарри. Он задумчиво смотрел на мерцающее, танцующее пламя в кострище. Он уже привык к Гэндальфу, Леголасу и Гимли, начал видеть в них нечто большее, чем просто знакомых. Но целый город людей? Даже если они похожи на Леголаса? Гарри не забыл эльфов, которые заточили его в темницу. Наступило долгое молчание. Гарри поднял голову и увидел, что Леголас смотрит на него с нечитаемым выражением лица. Леголас был встревожен. С тех пор как три дня назад ему приснился кошмар, Затмение почти не разговаривал. Леголас даже не мог быть уверен, что это был кошмар, так как с тех пор птица почти ни с кем не произнесла и двух слов. Он надеялся, что все, что мучило птицу этой ночью, исчезнет с бледным рассветом следующего дня. Он ошибся. Птица задумчиво сидела весь день и ночь, за исключением тех случаев, когда Леголасу удавалось уговорить ее присоединиться к его песне. Наконец он не выдержал. Он должен был узнать, что с птицей.— Затмение, — мягко произнес Леголас, его голос был нежен. — Не хочешь ли ты поговорить с нами?Наступила долгая пауза, пока Гарри пытался смотреть куда угодно, только не на костер. Слышно было, как мелкий дождь в ритме бьет по деревьям над головой. Блоп. Капля упала на лист рядом с Гарри. Он уставился на нее, и в этой маленькой капельке воды он услышал крики и вопли прошедшего рейда Пожирателей смерти. Ему становилось все труднее удерживать свои воспоминания от проникновения в реальный мир. Ему нужно было быстрее сориентироваться. Но может быть… может быть, рассказ остальным поможет. Возможно, они смогут проследить за тем, чтобы Гарри не слишком погружался в собственные мысли. Леголас уже невольно помог ему в этом. Прежде чем заговорить, Гарри на мгновение задумался.— … Вы помните мои кошмары?— Как мы могли забыть? — фыркнул Гимли. Леголас бросил на гнома уничтожающий взгляд, а затем посмотрел на Гарри серьезными глазами.— Конечно, но в последнее время они, кажется, стали лучше, — сказал эльф.— Это… отчасти верно, — сказал Гарри. — Мои кошмары… ну. Они больше не ограничиваются ночным временем. И это не совсем кошмары. Это воспоминания.Медленно, сбиваясь, Гарри рассказал им о своей ужасной идее подавить свои воспоминания и о последствиях. О своем прошлом он умолчал, но постарался честно рассказать о своем нынешнем положении. В конце концов, только благодаря нынешней, бурно развивающейся дружбе он мог оставаться в здравом уме. Наконец поток слов замедлился.— Так вот почему я… молчу, — сказал он, наконец замолчав.Он почувствовал себя легче, как будто произнесенные слова выпустили его бремя в воздух. Дождь продолжал падать в успокаивающем ритме за пределами небольшого укрытия, которое Гэндальф нашел под деревьями. Здесь было тихо и уютно, безопасно и надежно защищено от внешнего мира. Гарри посмотрел в глаза своих попутчиков и увидел в них только дружелюбие и понимание. Возможно… возможно, все было не так уж плохо. В эту ночь Гарри добился наибольшего прогресса из всех, поскольку наконец-то закончил пересматривать свои воспоминания о войне.

http://tl.rulate.ru/book/102871/3569409